

СУЛТАНБЕКОВ Кубатбек Черикчиевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник; доцент Института философии и политико-правовых исследований, Национальная академия наук Кыргызской Республики (720071, Кыргызская Республика, Бишкек, пр-кт Чуй, 265 А; sultanbekovk@mail.ru)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРИТЕРИЯХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЕМОКРАТИЙ И НЕДЕМОКРАТИЙ В СВЕТЕ РАЗДЕЛЕНИЯ МИРА НА ВОСТОК И ЗАПАД

Аннотация. В данной статье исследуются особенности демократических и недемократических политических режимов с учетом того, что политические режимы Востока и Запада значительно отличаются друг от друга. Автор приходит к выводу, что на характер политического режима государств Востока существенное влияние оказывает специфика традиционной политической культуры.

Ключевые слова: политический режим, демократия, автократия, Восток, Запад, политический лидер, политическая культура, права и свободы человека, гражданское общество

Всю совокупность политических режимов можно разделить на два основных вида: демократии и недемократии (при этом для обозначения недемократических режимов целесообразнее использовать термин «автократия», который имеет употребление в западной аналитике). На основе сбора и систематизации всех известных характерных признаков демократических и недемократических режимов можно составить сводный перечень критериев, по которым можно дифференцировать формы политического режима. В первую очередь, это касается сути демократии и недемократии (автократии), т.е. утверждения, что демократия — это власть народа, а автократия — это единоличное правление. Помимо этого, отличительными особенностями демократии и автократии, по общепринятому мнению, являются такие признаки, как способ смены власти, степень реализации принципа разделения властей, степень соблюдения прав и свобод человека, степень развитости гражданского общества, политического плюрализма, свободы слова и т.д.

Но здесь следует заметить, что данный перечень системных признаков основан на самых общих представлениях о демократии и автократии, но при этом совсем не учитываются культурно-цивилизационные различия обществ, стоящих в основе этих режимов. В частности, это касается различий между Востоком и Западом. Как известно, восточные общества (соответственно, и государства) более традиционны, чем западные, и им присущи совершенно другие ценности и нормы, что кардинально меняет как стиль государственного управления в них, так и характер установленных в них политических режимов.

Так, например, в государствах Востока характер государственной власти напрямую зависит от личности политического лидера, поскольку политические традиции Востока основаны на таких элементах, как непрерываемый авторитет старших, почитание власти и беспрекословное повиновение начальству, которые однозначно ведут к росту престижа и влияния правящих структур (правителей) в обществе. Следовательно, в этих условиях лидеры государства получают колоссальную возможность влиять на все происходящие политические процессы, что и предопределяет характер государственной власти и политического режима в стране. Этим, по существу, и объясняется более автократический характер политических режимов Востока, но это отнюдь не означает, что все без исключения

восточные режимы необходимо причислять к автократиям. Для этого нужны более веские основания, нежели исторически и культурно-цивилизационно обусловленная властная поведенческая позиция политических лидеров незападных государств.

Таким образом, мы можем поставить под сомнение саму суть автократии как таковой, т.е. автократии как единовластия, автократии как режима, при котором власть осуществляется единолично. Несмотря на распространенность и даже в некотором роде аксиоматичность данного утверждения, оно по своей сути ошибочно, поскольку, как показывает действительность, ни один правитель не правит страной в одиночку: у любого, даже самого тиранического монарха есть помощники (советники, визири), которые, являясь связующим звеном между монархом и его подданными, зачастую имеют большее влияние, чем сам монарх. Поэтому при различении автократии и демократии руководствоваться этим общеизвестным признаком будет в какой-то мере сложно, тем более, как было выше обозначено, в государствах Востока (вне зависимости от формы политического режима – будь то демократия или автократия), где роль правителя в жизни общества будет неизмеримо выше, чем в государствах Запада. Следовательно, нужно находить другие, более показательные критерии, по которым можно дифференцировать политические режимы.

Здесь еще нужно учесть и тот факт, что параллельное утверждение о демократии также ошибочно в своей основе, т.к. данное утверждение (демократия – это власть народа) относится к ценностным обоснованиям демократии, которые явно идеализируют ее, выдавая в качестве «универсальной и наилучшей формы политического устройства для всех стран и народов» [Пугачев, Соловьев 1995: 175], вследствие чего его можно подвергнуть основательному сомнению. Данный случай в этом отношении очень показателен, потому что при современной демократии народ может лишь влиять на власть, но никак не управлять сам, поэтому данное выражение представляет собой чистую демагогию, так же как и утверждение, встречающееся почти во всех конституциях: «источником власти является народ».

Возвращаясь к анализируемой теме – теме различий политических режимов Востока и Запада, помимо повышенной роли политического лидера в восточных обществах, нужно вспомнить и такие элементы восточной культуры, в т.ч. и политической, как коллективизм (т.е. приоритет интересов коллектива над интересами личности), непреходящее значение семейных традиционных ценностей, стремление к поддержанию традиционного образа жизни в единении с природой и др., которые также влияют на особенности политических режимов Востока.

В первую очередь они влияют на ситуацию с гражданскими и политическими правами и свободами человека, которая, как известно, отличается в зависимости от формы политического режима. Демократию характеризует более высокий уровень реализации прав и свобод человека – как гражданских (право на уважение чести и достоинства человека; право на свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни и т.д.), так и политических (право на свободу слова, право на свободное волеизъявление, выраженное в политическом участии в свободных выборах, свободе собраний и ассоциаций, свободе самовыражения и т.д.), а автократия в той или иной степени их ограничивает.

Но все дело в том, что понимание свободы вообще и прав и свобод человека в частности может различаться в зависимости от части света. Так, права и свободы человека на Западе трактуются с индивидуалистической точки зрения, означая собой господство, верховенство личных интересов и целей над коллективными, тогда как на Востоке, даже в самых демократических государствах, прева-

лирующий там коллективизм, т.е. господство коллективных интересов над личными, отодвигает на второй план значение прав и свобод отдельного индивида. Это явно видно из Конституции Японии (одного из самых последовательных демократических государств мира), содержащей целую главу, посвященную правам и обязанностям народа. Так, в ст. 12 говорится: «Свобода и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния»¹. Э. Хейвуд по этому случаю замечает: «Они [восточноазиатские режимы] всегда организованы в большей степени вокруг экономических, нежели политических целей; их главная задача — содействовать экономическому росту и благосостоянию, а не расширять тот круг индивидуальных прав и свобод, который мы видим на Западе» [Хейвуд 2005: 45].

Таким образом, отношение к данной категории — права и свободы человека — будет существенно различаться в зависимости от того, в каком государстве оно наличествует — западном или восточном. В качестве наглядного примера вспомним самый резонансный сегодня вопрос о правах секс-меньшинств, в частности принятие в Российской Федерации в 2013 г. так называемого «антигейского» закона, запрещающего пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, вызвавшее ажиотаж в определенных международных кругах, которые обвинили Россию в недопустимой дискриминации представителей ЛГБТ-сообщества. Однако этим политическим актом Россия заявила о себе не как об авторитарном государстве, ограничивающем права и свободы отдельных своих граждан, а как о защитнице семейных традиционных ценностей и коллективных прав и свобод, противопоставляя себя Западу с его индивидуализмом и атомизацией. Как по этому поводу заметил президент РФ В.В. Путин, между Россией и странами Запада существуют «фундаментальные, культурологические противоречия», и их разделяют «немного разные философии жизни», вследствие чего «понять друг друга довольно сложно»².

В связи с этим данный признак — степень реализации в государстве прав и свобод человека — не может служить точным показателем демократичности или авторитарности существующего политического режима, потому что на Востоке, даже в самом демократическом государстве, индивидуальные права и свободы будут всегда подчиняться коллективным правам и свободам. Тем более не стоит забывать такую истину, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека».

Об относительной малозначимости данного признака свидетельствует и тот факт, что для большинства людей на первом плане стоят не какие-то призрачные права и свободы, а материальное благополучие, т.е. лучше жить в богатой авторитарной стране, чем в бедной демократической. Относительно политических прав человека также можно заметить, что их реальное воплощение в жизнь даже в развитых странах западного мира не всегда означает их обязательное соблюдение. В частности, это касается политического участия, уровень которого в этих странах весьма низок.

Таким образом, мы приходим к выводу, что права и свободы человека не являются определяющим фактором в компаративном анализе форм современного государства, но данный факт не отрицает и даже не минимизирует роль и значе-

¹ Конституция Японии. — *Конституции государств (стран) мира*. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. Доступ: <http://worldconstitutions.ru/?p=37> (проверено 07.07.2015).

² Интервью В.В. Путина телеканалу Russia Today. 11 июня 2013 г. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/18319> (проверено 07.07.2015).

ние прав и свобод человека в жизни общества и государства. Скорее всего восточные страны, признавая необходимость соблюдения прав и свобод человека и их защиты со стороны государства, всего лишь не придают им той степени важности и значимости, каковой наделяет их западная индивидуалистическая точка зрения. Права и свободы человека в этом случае соблюдаются в государстве не как отдельная режимобразующая категория, а как второстепенная. Например, гражданские права и свободы человека соблюдаются в рамках системы методов государственного властвования (понятно, что в тиранических государствах они соблюдаются в значительно меньшей степени, чем при других режимах), политические — в рамках таких элементов политического режима, как способ смены власти, наличие политического плюрализма и т.д.

Кроме прав и свобод человека, еще одна особенность — степень развития гражданского общества — может быть подвергнута сомнению при ее рассмотрении с коллективистской точки зрения. Гражданское общество, понимаемое как «общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, независимое от государства, но взаимодействующее с ним», — понятие декларативного характера, поскольку построение гражданского общества — это «фактически бесконечный процесс совершенствования общества, власти, политики и человека»¹.

Одной из причин декларативности данного понятия, на наш взгляд, является то, что гражданское общество — понятие сугубо западного производства, берущее начало с характерного для западного общества индивидуалистического мировоззрения, провозглашающего интересы индивида, личности более ценными, чем интересы общества, а интересы общества — более высокой ценностью, чем интересы государства. Это совсем не характерно для восточного традиционного общества, в котором преобладают патриархально-подданнические настроения, не допускающие сомнений в авторитете государства. Тем более, одним из краеугольных камней гражданского общества считается гражданская активность, которая присуща восточному обществу в значительно меньшей степени, чем западному. Следовательно, в восточных государствах с традиционным общественным укладом гражданское общество будет развито намного хуже, чем в государствах западного мира, и причислять их только по этой причине к автократии будет, мягко выражаясь, неправомерно и тенденциозно.

Другой причиной мы видим тот факт, что на сегодня гражданское общество как «совокупность негосударственных частных объединений граждан, преследующих индивидуальные и групповые интересы» теряет свое значение. Ныне институты гражданского общества все более включаются в политику, проводя в жизнь интересы своих «хозяев», т.е. покровителей, которые обеспечивают их в финансовом и материальном плане. Одними из таких институтов являются многочисленные неправительственные организации (НПО), которые, располагаясь в одной стране и получая финансовое обеспечение из других стран, служат эффективным инструментом для воздействия на национальную политику извне, осуществляя свою деятельность в направлении, противоречащем национальным интересам страны, что зачастую приводит к делигитимации властных институтов (примеры: Арабская весна, «цветные революции» на постсоветском пространстве). В силу этого современные НПО, функционирующие в незападных государствах, как «лицо» гражданского общества все более дискредитируют его, сводя на нет всю позитивную суть и режимобразующее значение гражданского общества.

Таким образом, выясняется, что степень развитости гражданского общества,

¹ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. *Юридическая энциклопедия* (под ред. М.Ю. Тихомирова). М. 1997. С. 102.

так же как и степень реализации прав и свобод человека, не может в однозначном порядке служить критерием типологизации форм политического режима.

В целом, если рассматривать все классификационное поле форм политического режима с данной позиции, можно прийти к выводу, что сомнению можно подвергнуть если не всю современную систему критериев дифференциации политических режимов, то, по крайней мере, большую ее часть. В связи с этим приходит понимание острой необходимости создания новой классификационной системы форм политического режима (подобной, например, классификации Э. Хейвуда [Хейвуд 2005: 36-49]), которая бы исходила из культурно-цивилизационной специфики государств и признавала, что каждая нация имеет полное право жить при таком режиме, какой в данный момент наиболее соответствует ее исконным традициям и ценностям.

Список литературы

Пугачев В.П., Соловьев А.И. 1995. *Введение в политологию*: учебное пособие для студентов высших учебных заведений М.: Аспект Пресс. 352 с.

Хейвуд Э. 2005. *Политология*: учебник для студентов вузов (пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского). М.: ЮНИТИ-ДАНА. 544 с.

SULTANBEKOV Kubatbek Cherickievich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Senior Researcher; Associate Professor of the Institute of Philosophy and Political-legal Research, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (265A Chui Ave, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720071; sultanbekovk@mail.ru)

THINKING ABOUT CRITERIA OF DIFFERENTIATION OF DEMOCRACIES AND AUTOCRACIES IN THE LIGHT OF DIVIDING THE WORLD INTO EAST AND WEST

Abstract. *The article examines characteristics of democratic and undemocratic political regimes. It is argued that the regimes of the East and the West differ very much from each other, so the author concludes that the nature of the political regime of the Eastern states is significantly affected by the specificity of traditional political culture.*

Keywords: *political regime, democracy, autocracy, East, West, political leader, political culture, human rights and freedoms, civil society*
